

3/17861(60)

ISSN 0130-7517

НЭМАН

№11 2013

Повести Федора Конева и Татьяны Мушинской

**Впервые на русском: повесть Юзефа Крашевского
«Последняя из слуцких князей»**

**Режиссер Валерий Рыбарев: «Вячеслав Адамчик —
самый близкий мне белорусский писатель»**

НЁМАН

11/2013

НОЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Федор КОНЕВ. Одуванчик. <i>Повесть</i>	3
Василь МАКАРЕВИЧ. На циферблате луны. <i>Стихи.</i>	
Перевод с белорусского автора	22
Анатолий АНДРЕЕВ. Звездный час. <i>Рассказы</i>	27
Петр БУГАНОВ. Классика души. <i>Стихи</i>	46
Дмитрий ФЕДОРОВИЧ. Юбилейный клиент. <i>Рассказы</i>	48
Андрей СКОРИНКИН. Я уходил в духовный мир... <i>Стихи</i>	62
Татьяна МУШИНСКАЯ. Здравствуй, Грушевка! <i>Документальная повесть.</i>	
Перевод с белорусского автора	66

Наследие

Евгения ЯНИЩИЦ. Меж звезд, меж снов, меж бытия. <i>Стихи.</i>	
Перевод с белорусского И. Котлярова	97

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Юзеф Игнацы КРАШЕВСКИЙ. Последняя из слущких князей. Хроника времен Сигизмунда III. <i>Повесть.</i> Вступительная статья и перевод с польского М. Кенько	101
---	-----

Время. Жизнь. Литература

К 80-летию Вячеслава Адамчика

Алесь БАДАК. «Хочу показать трагизм человеческой души»	150
Адам ГЛОБУС. Отец. Перевод с белорусского Н. Казаполянкой.....	152
Виктор ШНИП. «Бацькаўшчына родная, як кроў...»	158
Елена МАЛЬЧЕВСКАЯ. Белорусская Йокнапатофа. <i>Беседа с режиссером Валерием Рыбаревым</i>	159

И помнит мир спасенный

Алла БАКШТАЕВА-ВАНЬКЕВИЧ. Глазами ребенка	164
---	-----

Литературное обозрение

Юбилей

Лилия — цветок чистоты, или Государственные дела негосударственного издательства. <i>Интервью с директором издательства «Четыре четверти» Лилианой Анцух.</i>	
Беседовал А. Мартинович	173

Литературный портрет

Валентина ЛОКУН. Олег Ждан: траектория жизни — траектория таланта	180
---	-----

АДЗЕЛ КРАЯЗНАУЧАЯ
БІБЛІАТЭРА І БІБЛІАГРАФІЯ

Установа культуры
«Абласная бібліятэка
імя М. Горкага»
г. Брэст

С точки зрения рецензента

Виктор АРТЕМЬЕВ. «Земля Могилевская» — уникальное издание	193
Ольга НИКИФОРОВА. Из глубины молчания	195
Геннадий АВЛАСЕНКО. Жил-был... Шубуршун...	198
Дмитрий РАДИОНЧИК. В этом окаянном сентябре...	201

Напоследок

Жизнь в искусстве

Мая ГОРЕЦКАЯ. Стефания Станюта — солнечная душа	209
Галина ФАТЫХОВА. Белорусские мадонны	213

Имена

Адам МАЛЬДИС. Полонез Огинского: мифы и реальность. Перевод с белорусского И. Кононец	217
Шэнь ЦУНВЭНЬ. В «Сутре ста притч» есть такая история... Перевод с китайского В. Карлюкевич	222

Авторы номера	224
---------------------	-----

**Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звезда»**

**Заместитель директора — главный редактор
Алесь Николаевич БАДАК**

Редакционная коллегия

*Раиса Боровикова, Вадим Гизин, Наталья Голубева,
Олег Ждан (редактор отдела прозы), Алесь Карлюкевич,
Тамара Краснова-Гусаченко, Владимир Макаров,
Елена Мальчевская (ответственный секретарь), Роман Матульский,
Александр Коваленя, Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова,
Олег Пролесковский, Алесь Савицкий, Анатолий Сульянов,
Алексей Черота (заместитель главного редактора), Николай Чергинец*

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.*

*Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Таргонская*
Стильредактор *С. В. Казак*
Набор *Е. Г. Кахновская*

Подписано к печати 12.11.2013 г. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,14. Тираж 3127. Заказ 3567.
Цена номера в розницу 18 600 руб.

Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.

Телефоны: главного редактора — 284-84-61; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии,
публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.

e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

© «Нёман», 2013, № 11, 1—224

**Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»**

ВАЛЕНТИНА ЛОКУН

**Олег Ждан: траектория жизни —
траектория таланта**

Эстетика Олега Ждана выростала из советской литературы, и, прежде всего, из традиций русской психологической прозы. Отечественная критика отмечала в стиле О. Ждана *«дыхание чеховской традиции»* [1, с. 154]. Писатель начинал свой путь в литературу в России и на русском языке. Этот язык так и остался главным языком его творчества. Вместе с тем прозаик тесно связан с родной белорусской землей, он творит в силовом поле национальной литературы, и, естественно, не может не учитывать опыта этой литературы. К тому же здесь сложилось, можно сказать, целое направление русскоязычной литературы, ядром которого является творчество Б. Спринчана, А. Каштанова, Э. Ялугина, М. Герчика, К. Тарасова, Г. Бубнова, Н. Циписа, Е. Поповой... Эти писатели существенно обогащают белорусскую литературу, как в плане содержательном, так и в жанрово-стилевом.

Идейно-художественные искания О. Ждана проходили в русле художественных исканий своего времени, в контексте доминирующей эстетики 70—80-х годов. Первая книга прозы писателя *«Во время прощания»* вышла в 1975 году. Затем, одна за одной, появятся другие: *«В гостях и дома»* (1977), *«Знакомый»* (1977), *«Черты и лица»* (1985), *«По обе стороны проходной»* (1987), *«Самостоятельная жизнь»* (1990). Прозаик начинал с малых повествовательных форм, в которых превалировала тема любви, дружбы, верности. Но уже тогда у него был свой творческий принцип: *«И все же вначале была мысль, точнее, тема. Слово — это уже знак качества, кирпич в руках каменщика, податливое дерево у плотника или столяра»* [2, с. 3]. Этими словами писатель предваряет свой сборник *«По обе стороны проходной»*. Таким образом, первичным для О. Ждана всегда была мысль или, по автору, тема, которая включала в себя определение смысла жизни человека, ее цель и оправдание. *«С темой сложнее. Тут, если не нашел, — все, крышка. Немалая загадка — тема»* [2, с. 3]. Вероятно оттого, что первоначальные темы — о центре Вселенной, о середине Земли, о любви возвышенной и неземной — были слишком далеки от реальной жизни, они не приносили автору внутреннего удовлетворения. Писатель упорно искал новые смыслы в жизни и в литературе. Уезжал на восток страны, работал на Карагандинском металлургическом комбинате, в Приташкентской геофизической партии, на строительстве Братского лесопромышленного комплекса — *«и не нашел ответа ни на один вопрос»* [2, с. 3]. Вернулся на родину, работал на Минском тракторном заводе, учился в Литературном институте и *«оказался далеко от начала, однако ничуть не ближе к тому, что хотел узнать»* [2, с. 3]. Как видим, труден путь постижения истины, художественной в том числе. Вот и О. Ждану непросто было осознать, что его главная тема — *«люди того же завода и цеха»* [2, с. 4]. Люди, смысл жизни которых заключался в обыденном, каждодневном труде.

Определив сферу своего творческого интереса, О. Ждан вместе с тем расширил тематические горизонты всей белорусской литературы, ибо тема города была одной из наименее разработанных в ней, хотя уже и были написаны *«Песня*

Двины» Т. Хадкевича, «Сотая молодость» В. Карпова, «Не могу без тебя» Л. Гаврилкина, «Спираль» В. Карамазова, «Самый высокий этаж» А. Савицкого и др. Но прочные традиции городской прозы еще не сложились, в отличие, допустим, от прозы «деревенской».

Источником творческого вдохновения для О. Ждана стал тракторный завод. Правда, был еще один центр притяжения — маленькие городки, особенно его родной Мстиславль. Они представлялись ему *«чем-то вроде маленьких источников с той чистой водой, из которых вырастают реки побольше»* [3, с. 7]. Здесь и людей автор находил особенных: *«приветливых, с твердым пониманием добра и зла, смешного и серьезного, безобразного и прекрасного»* [3, с. 7].

Есть и еще одна особенность прозы О. Ждана советского периода: повествуя о своих героях, он повествовал и о себе самом. *«Каждый из героев Олега Ждана, — отметит известный российский критик В. Бондаренко, — это «один из нас». Вместе же получается великое многоголосое МЫ... МЫ Олега Ждана — это не механистическое, легированное, не ржавеющее, роботизированное МЫ. Это Мы — современной н а р о д н о й ж и з н и»* [4, с. 381].

Художественная проза О. Ждана 70—80-х годов вмещала в себя огромную силу жизнеутверждения, она была пронизана чувством «коллективистской» дружбы, космическим единением земли и неба. Созданная писателем художественная модель мира соответствовала духовным требованиям своего времени, гуманистическим устремлениям советской литературы. Прозаик не сосредотачивался на социальных противоречиях жизни людей (хотя внутренней боли в его текстах достаточно), трагизме эпохи, он стремился охватить свое время в его морально-эстетических аспектах, чтобы в итоге углубиться в философию жизни отдельного человека, производственного «коллектива» или города в целом.

Конец 80-х—90-е годы — это период социальной ломки, пересмотра и почти полного отрицания советской эстетики. Многие писатели оказались в глубоком духовном и творческом кризисе. Рушились те идеологические каноны, моральные идеалы, которыми жило уходящее в историю искусство. Вместе с ним уходили и герои: герои-романтики, мечтатели, герои-трудяги, герои-странники. Новый социум актуализировал, прежде всего, критическую литературу. Здесь явно солировал голос И. Шамякина: «Paradies auf Erden» (1993), «Вернісаж» (1993) «Сатанинский тур» (1995), «Выкармак» (1996). По-своему индивидуально-неповторимыми оставались тексты В. Быкова: «Ваўчыная яма» (1998), «Сцяна» и «Труба» (1998), «Дваццаць марак» (2000), «Балота» (2001); В. Казько: «Да сустрэчы» (1997), «Бунт незапатрабаванага праху» (2000); Ю. Станкевича «Псеўда» (1997); А. Козлова: «Я і прарок Уродка» (1996), «Дзеці начы» (1999) и др.

О. Ждан только в 2006 году опубликует повесть «Сопровождающий» («Всемирная литература», № 2), которая, к сожалению, осталась незамеченной критикой. А между тем, это одно из самых ярких публицистических произведений О. Ждана. Здесь очевидна перекличка с метафорическим «Сатанинским туром» И. Шамякина. Концепт дороги, или по-белорусски, «шляху», традиционный для белорусской литературы («адвечным шляхам», «млечны шлях», «крыжовы шлях»), у О. Ждана, как и у И. Шамякина, насыщается консистенцией антижизни, антидвижения, мотивом социальной и духовной тупиковости.

Объектом художественного исследования в своей повести О. Ждан избрал политическую интеллигенцию. Случай достаточно редкий в отечественной литературе. (В этой связи вспоминается разве что повесть Т. Бондарь «Пусты п'едэстал» (2003).

О. Ждан моделирует ситуацию, в которой условно все: от сюжетных ходов, до расстановки идейных приоритетов. Даже герои психологически «ориентированы» на заложенную в них идею.

В Москве скончался бывший партийный босс Пилухович. В своем завещании он просил похоронить его на родине, рядом с могилкой матери, и обязательно

но по христианскому обычаю: с отпеванием в церкви. «Человек должен быть похоронен там, где родился» [5, с. 82], — убеждал окружающих Пилухович.

Герой уехал в Москву, ибо «хотел послужить Родине. Время было такое: если служишь Родине — жизнь твоя удалась, если нет — жил напрасно...» [5, с. 82]. Однако получилось, что и он жил напрасно, ибо заслужил немного: «не сожгут в крематории, а закопают на кладбище Богом забытого городка» [5, с. 82].

Все герои повести хотели служить Родине, но не вышло, и «жизнь не удалась». Все они, говоря словами Грумаша, «хотели другой жизни» [5, с. 77], а вместо нее получили «хорошее приключение» [5, с. 69]. Все они — неприкаянные и социально, и духовно. Они деградировали вместе с деградирующим обществом: «Люди научились добывать разные мелкие удовольствия, и это заменяет им счастье. Регулярная зарплата заменяет большие деньги, старательный секс — любовь, послеобеденная сытость заменяет ощущение полноты жизни» [5, с. 97]. Печать отчужденности проступает даже на лицах героев: «полное отсутствие интереса к жизни» выражало лицо Грумаша, а Бельчаков и Тузенков «безучастно смотрели на пролетающие пейзажи» [5, с. 90].

Настоящей фантасмагорией представляется эта поездка сопровождающему гроб Войцеховскому: «семьсот километров по небу, триста по шоссе. Рядом с полированным гробом с латунными ручками. Особенно странно выглядело это в ночной тьме. Очень уместен сейчас был бы голос Бога: куда спешите?» [5, с. 88].

Не меньшей фантасмагорией воспринимается читателем и параллельная поездка трех чиновников в Брест, где застрелился — или ему помогли — некий не менее ответственных чин Б. Д. Все они едут в никуда. В небытие. Утратив перспективу этой жизни, они теряют и саму жизнь.

Время их ушло. Невозвратно: «Траектория у времени проста, как у летящей стрелы» [5, с. 97].

Новый герой О. Ждана утрачивает свою внутреннюю притягательную силу и социальную значимость, затерявшийся в лабиринтах постсоветского времени.

Ситуация отчуждения как доминирующий момент постмодернистской литературы проигрывается О. Жданом в повести «Гений». Произведение впервые было опубликовано в 2011 году в журнале «Нёман», № 9, хотя первая редакция текста обозначена 1990 годом. Это удивительно тонкое по психологическому рисунку и глубокое по философии повествование. Оно свидетельствует о новом этапе эстетических и нравственных поисков писателя.

Главный герой — талантливый художник, который утверждает себя в бунте, каждодневном и решительном, но совершенно бесплодном, ибо мир представляется ему неискренним и жестоким.

«Каждый настоящий художник пишет такую (жизнь. — В. Л.), какой живет сам. Бессмысленная ведь не значит — без содержания. И это в человеке главное, за что его можно уважать или презирать» [6, с. 115]. В этих словах прочитывается идея субъективности искусства, именно та идея, которую будет активно защищать главный герой повести художник Трифон. Фамилии у него нет, генетически отсутствует: «Мать моя — подкидыш, я незаконнорожденный. Нет у меня настоящего корня, нет и традиции. Тришка я» [6, с. 119].

Тришка — это не совсем придуманный автором образ. За его основу взят реально существующий художник. Вначале писатель хотел «заклеймаваць, нават праклясці» [7, с. 6] своего Тришку, однако логика художественного развития характера была настолько убедительной, что писатель изменил свое решение, ему захотелось своего героя уже «абараніць». «Я і сам толькі ў канцы аповесці зразумеў майго героя і дараваў яму» [7, с. 6].

Дар великого художника или, по О. Ждану, «вывих», «тайная болезнь» появилась у Тришки не в первом классе и даже не в детском саду, «он с этим вывихом родился, а правильнее — зародился» [6, с. 116]. Когда его просили нарисовать кошку, он изображал собаку, а если собаку, то рисовал кошку. Таким образом, он уже тогда, в самом начале своего пути, отстаивал право художника на свободу.

Герой давно понял, что люди стремятся соответствовать некоему идеалу. Не любят они правды о себе, «особенно, если эта правда — для всех» [6, с. 120]. Хотят быть красивее, моложе, удачливее. Тришка же хотел правды, сущности во всем. Он отвергал современную жизнь за ее ненатуральность. «*Мир уже давным-давно идет не туда и не так. Жаждет не того, добывается ничтожного. Ликует от ненависти, наслаждается унижением, радуется от злобы*» [6, с. 119].

Так кто же такой Тришка? Эгоцентрический тип с задатками великого художника или жертва? Здесь нельзя ответить однозначно. В нем все переплелось: и талант, и монстровость, и эгоцентризм, и мученичество. По жизни Тришка везде был изгоем. Только ненависть помогла ему выжить. Вместе с тем, художник, по О. Ждану, это, прежде всего, мученик. Все искусство рождается в муках: «*Христос — на муку, а вы — на удовольствие?*» — недоумевает Тришка.

Все на муку, кроме глупцов и тиранов» [6, с. 121]. Герой устал от жизни, разочаровался в ней еще до рождения, разуверился в людях.

«*Человек заслуживает уважения и сочувствия, а ты издеваешься над людьми*» [6, с. 118], — упрекает Тришку его приятель-предатель, тоже художник. Это — антипод Тришки, но, по сути, образ-функция.

Повесть О. Ждана — это еще и полемика о сущности искусства, формах его развития. Последнее оппонент Тришки проецирует на развитие человечества. «*История отдельного человека, если пренебречь масштабом, — есть история человечества. История художника — история культуры*» [6, с. 123]. А поскольку альтернативы у человечества нет — «*либо вырождение, либо...*» [6, с. 123] — то нет альтернативы и у искусства. Оно должно быть направлено на восславление гармонии мира. Именно стремлением к красоте живет и развивается настоящее искусство. Кстати, таким стремлением пронизаны картины самого приятеля-предателя Тришки. Но — парадокс: успеха он тоже не добился..

«*Творчество начинается там и тогда, когда художник удовлетворяет свое чувство, и кончается там, где в расчет берется хотя бы один человек*» [6, с. 135], — убежден герой О. Ждана. Тришка ратует за субъективизм в искусстве. Оно должно питаться исключительно чувством художника, ибо чувство насыщает искусство страстями и живыми эмоциями. «*Только чувство — программа гения, доверие, которое он испытывает к самому себе*» [6, с. 123], — развивает свою теорию герой.

— «*У Босха был Христос, а у тебя?*»

— «*У меня — я*» [6, с. 116], — уверенно заявляет Тришка, беря на себя одновременно роль мессии, спасателя рода человеческого, и роль гения.

Мысль о гениальности внушила Тришке его мать. И он принял эту мысль как непреложную истину. «*Каждое измученное лицо — гений*» [6, с. 133], — продолжает герой. Таким образом, гениальность — это, прежде всего, чувство муки как особенное состояние души. «*Разве не гениальна его бездарная мать?..*» [6, с. 133]. Парадоксален главный вывод героя: «*Гений не сила, а слабость, он совершенен, а потому не может бороться с толпой. У них, гениев, особая, сквозная судьба и доля: не исчезать окончательно, а умирать и снова возрождаться*» [6, с. 133]. Тришка не получил хорошего образования, христианская вера его не удовлетворяла, поэтому он придумал свою веру с идеей о множественности жизней. Не состоявшись в этой жизни, он надеялся состояться в иной.

Герой мечтал о свободе: творческой и социальной. Свободы творческой он добился. Несвободен был только от матери, которую чаще всего «*переносил с трудом*», иногда только жалел, — когда удавалась работа, но тогда он и врагов своих готов был любить. И вот, наконец, свободен и от матери. «*Свобода, одиночество, тишина. И это же облегчение утром: нет ее, нет, нет. Один! И вечером не будет, и следующим утром.*»

Только так и должен жить художник. Племя, семья или государство — объединения слабых. Сбиваются в стаи из страха. <...> Потому в конце концов и образовывалось человечество и не образовался человек» [6, с. 129].

Итак, да здравствует свобода, да здравствует человек! Это была конечная цель бунтующего против мира Тришки, смысл его внутренней борьбы. Но может ли человек жить в мире и быть свободным от него?

Тришка пишет картину, пытаясь совместить замысел с конечным результатом и, таким образом, преодолеть извечную драму художника. Но картина ему не удалась: *«ненависти не было в ней. Он хотел примириться с миром, а мир мириться с ним не хотел. Он намеревался показать, какими они, люди, были, и какими могли бы стать, а их удовлетворяло то, какие есть. Хотел показать путь к новой, а может, и вечной жизни, но она, вечная, им не нужна, — только нынешняя минута, удовольствие, всеобщий и поглощающий оргазм»* [6, с. 134]. Толпа снова отвергла Тришку. И он понял причину своего неуспеха. Он заложил в картину не только идею ненависти, но и идею добра, надежды. Он «уравновесил» легкомыслие — сомнением, веселье — печалью. *«Нет, не природу поправлял, а судьбу»* [6, с. 135]. Он отступил от себя прежнего, в нем вновь победила слабость. Именно от слабости он пытался объединить и примирить непримиримое: добро и зло, любовь и ненависть. *«А если примирить, то и примириться»* [6, с. 136].

Так был ли Гений? *«Не было никакой гениальности. Был маленький невезучий человек, мечтавший выцарапать из нищеты и безвестности, спасти свою ничтожную, но единственную жизнь»* [6, с. 136].

Тришка — новый герой О. Ждана, он не является частью коллектива, носителем народной мудрости и жизнотворящей энергии. Это грубый, безжалостный, аморальный и все-таки значительный, целеустремленный и последовательный в своем жизненном поведении герой. Сознание нового героя О. Ждана помечено признаками катастрофизма. Мир рухнул, и герой, наделенный могучей творческой индивидуальностью, пытается уйти за пределы этого мира, которому человеческая вседозволенность угрожает полным параличом духа.

* * *

Постепенно О. Ждан будет отходить от «кодекса чести» одного человека и приближаться к чему-то более масштабно-глубокому: сокращенно-национальному, общечеловеческому. Философско-мировоззренческий поиск писателя сопряжен с идеологемой национальной идентификации. Этот поиск вовлекает в себя весь духовный спектр человека, но, прежде всего, его бытийный статус и ментальные основы — с целью постижения все укрепляющейся национальной непохожести, индивидуальной неповторимости. Национальное начало становится приоритетным в художественном осмыслении жизни и характере человека.

Отечественная история оказалась благодатной почвой в поиске новых духовных и нравственных приоритетов в белорусской постсоветской литературе. В историческом прошлом авторы искали те доминанты духовности, которые оказались утраченными в перестроечной жизни. Актуализировались и традиции исторической прозы: Я. Борщевского, В. Ластовского, но особенно В. Короткевича, одного из основателей романтико-просветительского отображения истории. В этом направлении отечественной прозы с успехом проявили себя О. Лойко, И. Шамякин, Л. Дайнеко, К. Тарасов, О. Ипатова, В. Ковтун, В. Орлов, А. Наварич, Ф. Сивко, А. Бутевич, Э. Ялугин, Я. Конев и другие писатели. В зависимости от эстетического сознания писателя проявляется особый характер и нравственной «задачи» художественной реконструкции истории. Вместе с тем, авторы, углубляясь в исторические пласты жизни своего народа, решали при этом не столько просветительские задачи, сколько проблемы современности: национальные, духовные, нравственные.

Проблема власти и национальной свободы — основная «задача» О. Ждана в его романе «Князь Мстиславский». (Впервые роман был опубликован в 2009 году в журнале «Нёман», № 7—9, отдельной книгой вышел в 2010 году в издательстве «Литература и Искусство» в серии «Свет минувшего».)

В основе романа — факт исторический, в тексте отображены реальные события начала XVI века. Доскональное знание белорусской истории в ее общеславянском и европейском контекстах, использование документальных и других свидетельств позволили автору глубоко проникнуть в психологическую атмосферу той эпохи.

В романе нет войны как военной баталии с грохотом боевых действий, атаками, пожарищами и т. д. Автор пишет скорее о жизни на войне — драматической, несвободной, угнетающей человеческое достоинство.

Сублимируются и переплетаются разные стилевые пласты, документальное отображение и авторское повествование, речевая стилизация и авторский язык. Заметно стремление писателя к эпической прозе. Хронология исторических событий подана чаще всего инверсионно. Экскурсом отражены и страницы жизни правления Ивана III, история его непростых взаимоотношений с Александром Ягеллоном. Кстати, драма этих отношений, как и драматические перипетии самого брака Елены и Александра, рассматривались И. Шамякиным в «Великой княгине» (1996). Но роман И. Шамякина более «играет» на современность, он более публицистичен, более запрограммирован, чем дискурс О. Ждана.

Князь Мстиславский — главный герой романа. Это историческая фигура, на примере которой писатель стремится решить одну из главных проблем произведения, проблему выбора: может ли выбор человека быть моральным, если он, этот человек, поставлен в условия принуждения?

Герой О. Ждана не хочет войны. Он хочет мира и созидания своему княжеству. *«Мне бы мира годков пять... — мечтает Михайло Иванович. — А если б Александр освободил от ордынщины... Я бы много что сделал. Ну а пока построю придел к божнице Святой Троицы — тесно, людям помолиться негде на праздник. Потом новый храм во славу Господа — такой, чтобы со всей Руси — и Литовской и Московской — приезжали дивиться. Два моста надо построить через Вехру... да через Сож... Нет, пять мало, годков бы десять»* [8, с. 31—32].

Михаил Иванович Жеславский из рода Гедиминова, прямой потомок Великого князя Евнута, который после крещения принял имя Иван. Все потомки Ивана-Евнута были православные. Жеславские, поясняет автор, на самом деле были Заславские — по названию княжества, которым владели с 1345 года. Привилеей великого князя Александра Михаил Иванович стал удельным князем Мстиславским.

Князь Мстиславский представлен автором во всем противоречии современной ему жизни. Правда, писатель не дает нам возможности «напрямую» наблюдать за движением внутреннего мира героя. Структурно характер героя не наделен саморефлексией. Писатель фокусирует внимание на патриотической доминанте образа, демонстрируя при этом более чем демократическое отношение князя с простыми людьми.

Сдержанно принял народ мстиславский нового князя: *«Чего радоваться чужаку?»* [8, с. 49]. Не всем нравились его новшества. А начал князь с кладбища, с главного для всех славян места, которое соединяет жизни умерших и живущих в единую природно-космическую духовную сферу. *«Что как завтра Второе пришествие?»* [8, с. 46] Паны-бояре тоже не хотели Жеславского, хотя и Москва им не нужна, *«не надо мстиславским боярам Москва, нет лучшего места на земле, чем родное, даже Мессия, когда настанет час, пройдет сперва через Мстиславль, а потом уже через Москву»* [8, с. 51—52].

О. Ждан создает достаточно реалистическую картину жизни Мстиславля, за которой угадывается жизнь всего белорусского средневековья. Народ индифферентен к правителям и королям. По-разному люди воспринимают и войну: *«Молодые, может, и хотят повоевать, а у кого семья... — отвечает за всех Савка Кумар. — Ни воевать, ни в осаде сидеть. Им все едино, что Жигимонт, что Василий. Не народ, а быдло... Когда князь Острожский бил московитов, стояли здесь, на обрыве, ждали — кто кого. Когда князь Ростовский воевал Литву*

и положил на Вехре семь тысяч, тоже стояли, открыв рот. Им все одно. Главное, чтоб веру православную не трогали и еда какая-никакая была» [8, с. 110]. Однако конфликт войны и мира был порожден не столько религиозными мотивами, сколько борьбой за землю: «Спор меж Василием и Жигимонтом, — отмечает князь Мстиславский, — не за веру. Не за Смоленск даже або Мстиславль. За великие земли спор, и докончанья ему пока что не видно...» [8, с. 103]

О. Ждан решает проблему власти как проблему ответственности перед людьми и перед Богом: «Княжеское звание — не подарок, — убеждает собеседника князь. — Это такая работа изо дня в день. Нет ни одного дня, чтоб любой человек в княжестве — хоть хлоп, хоть вольный кмет — не вспомнил о нас» [8, с. 198].

Вместе с тем, любая власть безнравственна, кроме той, что служит Богу:

«— А самое лучшее — ни московскому государю, ни польскому королю не служить, а одно Богу и своим людям», — поправляет князя отец Никодим.

«— Подскажи как, владыко!.. Как служить Богу и своим людям, коли побач такие могутные соседи и терпеть они не могут, что вот это маленькое княжество — само по себе. Каждый считает, что наша земля — его земля, наши леса, речки, озера — его леса, речки, озера, что одному ему мусим мы служить от рождения до самой смерти, не для себя, а для него жить!..» [8, с. 250]

Но это и есть главное противоречие всякой власти. И во все времена.

Князь Мстиславский все больше будет утверждаться в мысли, что «княжество, — это не золото и серебро... Не слава... Это — крест. Сперва охота получить его, а потом... Хочешь не хочешь — надо» [8, с. 199].

Практически все герои романа поставлены в условия личностного выбора — жизни или смерти, служения отчизне или предательства. Выбор у князя Мстиславского особо ответственный: от этого выбора зависит не только сохранение его княжеской чести, а, прежде всего, жизнь людей его княжества. Об этой ответственности, сопряженной со здравым смыслом политика, князь помнил всегда. Во избежание массовой резни и разрушения Мстиславля князь сдал Мстиславль без сопротивления, но встречать воеводу Щеню не вышел. Но это только начало его внутренней драмы.

Вскоре герой О. Ждана будет поставлен в еще более жесткие условия выбора: он должен отказаться от Литвы и присягнуть Василию. «Отложиться от Литвы и присягнуть Москве? Послать грамоту Жигимонту, что слагаю присягу с себя?.. Но родился я в самой середине Великого княжества Литовского, в тридцати верстах от Менска, в городе Изяславле... Ты знаешь, — обращается князь к святому отцу, — мстиславское княжество мне и счадкам моим на веки вечные отдал Александр Ягеллон, Великий князь Литовский, Жемойтский и Русский... Как же я предаю брата его Жигимонта?..» [8, с. 158] В этих словах — все отчаяние князя, масштабы его душевного смятения. Ведь «менять государство — значит, менять жизнь» [8, с. 202]. Нет, князь не за себя боится, а «за сынов своих, за дочек... Ну и за людишек в городе» [8, с. 202]. Нелегко дается князю его выбор, никто не решается разделить его ответственности. Тогда он обращается к природе, едет в лес и там, в шуме деревьев, он слышит «гул человеческих судеб, казалось, там, вверху, встречаются прошлое и будущее, и гул оттого, что — известно все, ничего не скроешь, не спрячешь, и нет утешения ни внизу, ни вверху» [8, с. 233]. Нет утешения князю. Остается только здравый смысл, который победил все другие смыслы. Князь присягает в верности великому князю Василию, государю всея Руси. И не только присягает, но и совершает при этом «крестное целование». Однако и здесь побежденный князь сумел сохранить, если не честь, то свое внутреннее достоинство: «Не покрестился ты, как поцеловал крест. И потом не покрестился» [8, с. 234], — заметил его неискренность тот же Щеня.

Таким образом, О. Ждан сумел создать яркий образ исторической личности, отобразить эпоху. А вместе с этим попытался постичь философию войны

и мира, жизни и смерти. «А может, другой жизни и не бывает? Может война и есть нормальная наша жизнь, а замирение — только чтоб с силой собраться... Один построил — другой спалил, одного родили — другого погубили... Не надо удивляться ни жизни, ни смерти. Равны они, жизнь и смерть» [8, с. 224—225]. И в этом трагическом водовороте жизни и смерти человек изменить ничего не может, ибо ни жизнь, ни смерть ему не подвластны. «Жизнь, смерть... Об этом думать не надо. Оно само приходит-уходит. При чем тут мы, люди? И жизнь, и смерть — от Бога» [8, с. 225]. Что же остается для человека? Душа. За душу человек остается в ответе, она — связующее звено прошлого и будущего. «Душа для человека — все. Она знает и то, что было, и то, что будет. Она главней всего. Ты помрешь, а у нее тогда и начинается настоящая жизнь» [8, с. 247]. Жизнь в будущем.

Роман «Князь Мстиславский» получил высокую оценку в отечественной критике. По мысли Д. Мартиновича, О. Ждану «удалось погрузиться в прошлое и открыть для читателей спрятанную в глубине веков Атлантиду — прошлое родного Мстислава и своей страны» [9, с. 2].

Критик Ю. Сапожков воспринял роман, прежде всего, как «попытку разобраться в смысле жизни, в ее жестоких противоречиях, попытку заглянуть в глубины прошлого, во многом определяющего наше сегодняшнее поведение». Для Ю. Сапожкова «Князь Мстиславский» — «вещь сложная и тоже противоречивая, как сама жизнь. В ней ни одного персонажа сугубо положительного. В ней нет судей — только судьба» [10, с. 206]. Но главное все же не это. Весьма своеобразно прочитывает критик образ Михаила Ивановича Жеславского, считая, что «унижение не возвышает» [10, с. 204], а принародное целование креста на верность Василию — это «полное поражение» Михаила Ивановича. Особенно смущают последующие параллели критика — пусть и не прямые — с героями войны 1941—1945 годов: начальником заставы А. М. Кижеватовым, полковым комиссаром Б. М. Фоминым, здесь же озвучивается и имя Власова. Каждое историческое время имеет свою идеологию и своих героев. Это разные уровни развития человеческого сознания и разные морально-этические приоритеты. «Полное поражение» князя в чем? В спасении города и человеческих жизней? Думается, в этом последнем поступке и проявился настоящий характер князя, его мужество и величие духа. Герой попрал свою княжескую гордость, смирил гордыню, но сохранил жизнь людям. Он руководствовался не честью, а здравым смыслом. Кстати, как подчеркивает писатель, многие удельные князья в своих поступках часто этим смыслом руководствовались. Именно в таком решении образа — основная заслуга автора романа «Князь Мстиславский».

Православная тематика — это новое направление в отечественной прозе.

Вспоминается удивительно тонкое по психологическому рисунку философской мысли повествование В. Ковтун «Пакліканья» (2007). Роман посвящен святой Евфросинье Полоцкой, великой заступнице земли белорусской. В 2007 году был опубликован роман-хроника Н. Еленевского «Время пастыря», где автор открывает имя священника Лунинецкой церкви Тихоновича Платона Максимовича — автора первой белорусской грамматики.

Роман О. Ждана «Государыня и епископ» (2012) в определенном смысле перекликается с текстом Н. Еленевского. Писатель тоже «открывает» епископа Конисского. Оставаясь верным мстиславской истории, О. Ждан пытается определить роль православной церкви в развитии белорусской государственности. Как и раньше, прозаик отталкивается от исторически-реального факта посещения Мстислава императрицей Екатериной Алексеевной по пути следования в Тавриду. Переплетаются две разностилевые повествовательные линии. «Линия» светской жизни, наполненная светлым юмором, иронией и «линия» жизни и деятельности архиепископа Георгия Конисского, где доминирует драма, письмо психологически-аналитическое.

Георгий Конисский был одним из образованнейших людей своего времени. Окончил знаменитую Киево-Могилянскую духовную академию «с особенной похвалой», и там же был оставлен преподавателем по классу красноречия, стал профессором философии, а потом и профессором богословия. В 27 лет было совершено торжественное пострижение в монашеское служение Богу, а в сентябре 1789 года, на двадцать седьмом году служения, Георгий был возведен в сан архиепископа и назначен членом Святейшего Правительствующего Синода. Стал епископом Могилевским. «*Пришло время отстоять нашу веру! Пришло время заблудшим овцам возвратиться в свои стада*» [11, с. 12], — ставил перед собой задачу великий святитель.

Продолжалось противостояние православной церкви и инославных: католиков, униатов и др. Писатель, как и в романе, вводит в текст множество исторических и документальных свидетельств, среди которых и воспоминания самого Конисского. Спокойной жизни на мстиславской земле не было уже почти двести лет. Особенно злобствовали «*псы Господни*» — доминиканцы, они силой отнимали храмы у православных, принуждая их носить на себе огромные деревянные кресты с еловыми венками. Засилие католицизма продолжалось и после подписания договора о вечном мире между Россией и Польшей в 1686 году. Согласно этому договору, пять епархий имели право сохранить православие, однако ко времени служения епископа Георгия осталась одна — могилевская. Воссоединение с Православной церковью всех отнятых у нее епархий, Георгий Конисский считал своей главной задачей — «*иначе зачем он ходит по земле?*» [11, с. 19]

Георгий Конисский в отображении О. Ждана — личность масштабная. Это не только священник, вся жизнь которого была направлена на укрепление православной церкви. Это — герой возрожденческого плана. Он добивался веры во имя своего народа, а не той, которая его духовно уничтожала или унифицировала. Георгий желал соединения всех национально-просветительских и духовно-христианских сил с целью более успешного, прогрессирующего продвижения народной жизни. Консолидирующей силой в этом процессе, по его убеждению, должно стать православие — истинно белорусская вера.

Проповеди епископа — это образец ораторского искусства. Они «многожанровые»: проповедь-обращение, проповедь-просьба, проповедь-мольба, проповедь-благословение, проповедь-благодарение. Они характеризуют Конисского как великого национального деятеля, страстного заступника белорусского народа. Наряду со святой Евфросиньей Полоцкой, Василем Тяпинским, Афанасием Филиповичем, Кириллом Туровским, Симеоном Полоцким... Они — из кагорты «*пакліканых*».

Георгий добился своего, польский сейм утвердил Трактат о свободе вероисповедания в Польше. Закончилось его трехлетнее мучительное пребывание в Варшаве. Но удовлетворения не было, ибо по сути ничего не изменилось: истязания православных продолжались. Задумано было покушение и на самого епископа, но ему удалось тайно убежать в Смоленск. Ситуация изменилась лишь после того, когда Могилев перешел в состав России. Приход за приходом, целыми деревнями крестьяне возвращались в православие.

Георгий выполнил главную задачу своей жизни. Но церковь нуждалась в поддержке государства. И в этом плане епископ Конисский возлагал большие надежды на Екатерину. Он был многим обязан императрице, ощущал ее поддержку, хотя и был несколько озадачен ее указом, который позволял отнимать земли у монастырей и церквей.

Создавая портрет великого подвижника, О. Ждан одновременно стремится вникнуть в нравственные основы христианского гуманизма, коснуться сущности таких понятий, как вина и покаяние. Затрагивает он и основу основ православия — положение о греховности человеческих поступков. Георгий обвиняет себя в грехе равнодушия к родителям, в том, что не проводил их в последний путь, «*грех малой любви к родителям и терзал его душу. Но как ты тепл, а не*

горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» [12, с. 10]. Он вновь и вновь приходил к родительским могилкам, «плакал, стоя на коленях, захлебываясь от старых слез. Они простили его» [12, с. 11]. Есть и другие грехи, которые терзали душу епископа, — он знал о них. Но были и такие, о которых он и не подозревал. Но за них он тоже в ответе. Он чувствует свою вину и за пьяного Савку Кумара, за свое непощение, что не выслушал того, не помог. «Разве прощение не один из главных камней христианства?» [12, с. 25]

Вот так, постепенно, О. Ждан приблизился к одному из главных постулатов христианского учения — идее прощения.

Жизнь священника — жизнь особенная. Это — жизнь-служение, жизнь-самоотречение. Но все вместе — это подготовка человека к главному: смерти. Георгий никогда не забывал об этом. И был всегда к этому готов. Менял только смысл прощальных слов. «Сперва едва не со слезами на глазах: «Если Ты бессмертен — сделай бессмертным меня!» Потом — «Спасибо, Господи!» Еще позже — «Продли!» [12, с. 38] Но то было время «несогласия и себялюбия». Оно давно ушло в прошлое, сменилось смирением. Теперь Георгий твердо знал свои последние слова: «Спасибо Тебе за жизнь. Прости, что не оправдал надежд» [12, с. 38]. Но эти слова он скажет не здесь. На земле у него иная и уже заключительная миссия: выступить перед императрицей. Он должен передать ей свое и всего православного люда восхищение и любовь, «передать так, чтобы она почувствовала его» [12, с. 38].

Текст О. Ждана включает в себя два художественно-структурных центра, которые все время сближаются. Но если образ епископа представлен крупным планом, в психологическом и духовном движении, развитии, то облик Екатерины остается «за кадром». Ее присутствие незримое, ее образ как бы растворен в атмосфере подготовки мстиславцев к исторической встрече.

И только в конце романа эти два идейно-нравственных центра сходятся. Возникает сцена удивительного духовного катарсиса, очищающего не только героев О. Ждана, но и нас, читателей. Писатель приводит документальные слова епископа, слова, выстраданные всей его подвижнической жизнью. Георгий проникновенно приветствует и славит Екатерину. Но вместе с тем, он прощается с ней, зная, что больше они не увидятся. Его богоугодная и ее великая жизни приближаются к вечному. «Как продлить ее? — К западу только жизни твоей не спеши, ибо воскликнем мы, как Иисус Навин: стой, солнце, и не движися, донече вся противная намереньям твоим победиши!..» [12, с. 38]

Георгий Конисский — образ высочайшей духовной силы. Это личность глубоко нравственная через свое служение Богу и родине. Но это и новый герой О. Ждана, несущий в себе новую веру в человека, новое понимание мира, новые нравственные и морально-этические ориентиры.

* * *

Критик А. Новиков на литературном портале приводит признание О. Ждана: «С Мстиславем, родиной, связаны, так или иначе почти все сюжеты моих рассказов — и современных, и исторических. Когда-то казалось — что мне эти Мстиславские читатели! Теперь — нет важнее...» Сместился вектор творческой заинтересованности О. Ждана 2000-х годов. Теперь для писателя нет ничего важнее истории родного Мстиславля. Ибо «если не я, то — кто же?» — признался писатель в разговоре с автором этой статьи.

Истории Мстиславля посвящен последний по времени дискурс «Белорусцы»: повесть в трех сюжетах (Нёман, 2013, № 6). Основная идея повести прочитывается уже в ее заглавии. Кто такие белорусцы под небом славянским? И не только славянским, а общеевропейским — по своей онтологической сущности, ментальности, психологической уникальности? В чем, например, проявился князь Мстиславский как белорусец — не в этом ли остро подмеченном: «Не

покрестился ты, как целовал крест. И потом не покрестился». Сумел же князь в условиях полного подчинения остаться внутренне «неподчиненным», достоинство свое сохранить, и не только свое, а народное, ибо от лица народа выступал. Не в этом ли «архетипичность» характера князя?

В «Белорусцах» писатель вплотную подошел к созданию национальных характеров-типов — белорусцев, которые и являются представителями своего уникального по психологии народа. Три внешне автономных сюжета повести — «Скандал в Великом посольстве», «Царев град», «Путешествие» — являются по сути триптихом и решают одну и ту же художественную задачу.

«Скандал в Великом посольстве» построен, как и вся историческая проза О. Ждана, на документе. На этот раз писатель использовал дневник Петра Вежевича, стольника и подкомория Мстиславского. От его имени и ведется повествование.

Начало 1635 года. После Смоленской войны в Москву было направлено посольство для подписания вечного мира. От Польской Короны его представлял Александр Песочинский, от Великого Княжества Литовского — пан Казимир Сапега. Принимал посольство в Москве великий князь Михаил Федорович, царь всея Руси.

Автор проигрывает ситуацию, идентичную целованию креста князем Мстиславским. *«Мы сняли шапки, когда называли титулы. Но теперь не снимем, поскольку я наделен достоинством нашего короля. Не больше, но и не меньше»* [13, с. 17], — с вызовом, хоть и несколько высокопарно, пытается отстоять свою «вельможность» пан Песочинский. *«После свершения посольства, все мы пошли к царской руке. Целовал ли пан Песочинский руку царя, я не заметил, — свидетельствует очевидец встречи, — а вот пан Казимир Сапега точно не целовал (подчеркнуто мною. — В. Л.), только приложился челом»* [13, с. 18].

«Сюжеты» повести интересны своим «фоном», который насыщен деталями быта, своеобразным историческим «бытовизмом», обрядовыми действиями, секретами древних рабочих профессий и другими «атрибутами», характерными для того времени. Автор тонко подмечает остатки синкретической культурной традиции в жизнедеятельности людей этого края.

Впечатляет «Царев град», где основной темой повествования О. Ждан снова выбирает войну, на этот раз русско-польскую войну 1654—1667 годов. Однако здесь художественное решение темы войны концептуально иное. Писатель как бы полемизирует с собою прежним. Теперь для него главное — образ войны и ее трагический исход для народа мстиславского.

«Заповеди Божьи соблюдайте и дела наши с радостью исправляйте; творите суд в правду, будьте милостивы, ко всем любовны, примирительны, а врагов Божиих и наших не щадите» [13, с. 27], — такими словами в Успенском соборе напутствовал московский государь Алексей Михайлович своих верноподданных, выправляя их на войну. Князю Трубецкому со своим Особым Большим полком предстояло идти к Брянску, затем на Мстиславль, Могилев... Брянск сдался без боя. Впереди был Мстиславль: *«Больше восемнадцати тысяч ратников шагало — пыль стояла столбом. Позади строя на двуконных хорошо окованных повозках везли короткоствольные полевые пушки»* [13, с. 28]. Так начиналась, пожалуй, одна из самых кровопролитных в истории белорусского народа война, ибо в ней погиб каждый второй белорус [14].

Мстиславцы, вопреки ожиданиям Трубецкого, отказались открыть ворота города и сдаться на милость московитов. Они выбрали сражение, втайне надеясь на помощь войск Януша Радзивилла.

Все сплотились против общего врага, забыв о своих внутренних обидах и конфликтах. На переговоры к Трубецкому ушли вместе: отец Павел, ксендз Мартин и униат Софроний. Просили пощадить людей и город. Позже и тоже вместе ксендзы, священники униатских и православных храмов будут молиться под ядрами и пулями о спасении Мстиславля.

«Понять здешний народ трудно, — отметит в недоумении князь Трубецкой. — Лезут католики в каждую щелку, два костела подняли меньше, чем за пять-десять лет, униаты выжили православных с Афанасьевского пляца, — а все равно вопили все вместе: «Бьемся!» и конечно, местный воевода вдохновлял всех» [13, с. 35].

О. Ждан романтизирует образ войны, как это делали его далекие предшественники: Стендаль, Лермонтов, Л. Толстой. В тексте чувство восторга, страха и боли сливаются воедино. «Ох, как красиво и страшно горела она (Замковая гора. — В. Л.) в ночи!» [13, с. 43] Мстиславцы не встали всем городом на колени в молитве, они, осужденные на смерть, «стреляли из мушкетов, пицалей, швыряли горящие головешки, бревна... Сам воевода Друцкой-Горской и войт Вырвич стояли среди шляхтичей с саблями и пицалами в руках. Страшное веселье накатило на них: чем ближе подбирались по горе ратники Трубецкого, тем азартнее становились их лица. Страх исчез с первыми выстрелами, казалось, еле сдерживались, чтобы не перепрыгнуть городень навстречу войсковцам» [13, с. 43—44].

Мстиславль пал. Он и не мог устоять перед многотысячным полком князя Трубецкого. Тут же меняется и структура повествования. Из текста уходит романтика. Доминирует уже другой стиль, стиль трагедии, и иные традиции: Р. Олдингтона, Э. Ремарка, Э. Хемингуэя, М. Горького. Писатель подает страшную картину после сражения. «Тела лежали везде, куда ни посмотри: стреляные, резаные, колотые. Одни — лицом к земле, словно пытались бежать и пика или пуля догнала их на бегу, другие — на спине, будто хотели в последний раз глубоко вздохнуть и взглянуть в небо, одни — широко раскинувшись, иные, напротив, подобрал под себя и руки, и ноги, словно затаившись в траве. <...> Тела лежали и в посадке, в переулках больших и малых. Было видно, что не только убежали, но и защищались — и в одиночку, и сообща. Лежали на дорогах, на порогах хат, будто надеялись спастись за дверьми, висели, перевалившись через прясла. Противно было на все это глядеть» [13, с. 49].

Таким образом, О. Ждан создает очень яркий, впечатляющий «образ» войны. Здесь реалистическое граничит с натуралистическим, отчего степень боли, степень неприятия войны только усиливается.

«22 июля великою потугою и усилением через штурм мстиславский замок был захвачен. Народ всякий шляхетский, мещан и жидов, а также простых людей в пень высекли... среди трупов живых находили и в плен в Москву забирали, побито было больше десяти тысяч человек, — записал свидетель побоища» [13, с. 50].

В истории города та ночь так и осталась под именем московского князя — «Трубецкая резня» [13, с. 50].

Вопрос правильности/неправильности выборов князя Мстиславского и воеводы Друцкого-Горского, думается, еще ждет своего обсуждения. И соответствующей нравственной оценки тоже.

* * *

Историческая проза О. Ждана сопряжена с реализмом экзистенциально-эпического направления, который и становится для писателя источником потенциального богатства эстетических, художественных и духовных поисков. Художественное отображение феномена исторического прошлого Мстиславля подвигло прозаика к исследованию менталитета и самоидентификации белоруса и белорусского народа, привело его к необходимости осмысления специфики национального бытия и, как результат всего этого, — создание характеров-типов.

Постсоветская проза О. Ждана стремится к генерированию новой философско-художественной концепции, которая своей сущностью связывается с национально возрожденческими традициями. Автор усиливает патриотиче-

скую доминанту своих текстов. Его герой — все тот же странник, но уже не идейно ориентированный, а национально детерминированный. Это тип героя исторического, который внутренне «произрастает» из духовной субстанции своего древнего народа. В этом его неоспоримая сила и главное отличие. Но это тоже — странник. Переходя из одного исторического времени в другое и осознавая философию этого времени, он начинает все глубже понимать и свое достоинство и нравственную силу, а также достоинство и силу своего народа. Имя этому страннику — белорусец.

Талант Олега Ждана многогранен, он не только прозаик, автор ряда книг, романов, десятка повестей и большого количества рассказов. Он еще и драматург, киносценарист, переводчик белорусской прозы на русский язык. А недавно он успешно дебютировал в жанре детской сказки. К сожалению, размеры этой статьи не позволяют нам затронуть все аспекты его творческой деятельности. Писатель в поиске. А это значит, что он еще не раз порадует своего читателя и зрителя новым произведением.

Литература:

1. Букчин, С. Правда жизни и литературные соблазны / С. Букчин. — Нёман, 1986. — № 1. — С. 143—158.
2. Ждан, О. А. По обе стороны проходной: повести о необычных и обычных людях / О. А. Ждан. — М.: Молодая гвардия. 1987. — 383 с.
3. Ждан, О. Черты и лица.: повести / О. Ждан. — М.: Советский писатель, 1985. — 304 с.
4. Бондаренко, В. Сюжеты нашей жизни / В. Бондаренко // Ждан, О. По обе стороны проходной: повести о необычных и обычных людях / О. А. Ждан. — М.: Молодая гвардия. 1987. — С. 288—383.
5. Ждан, О. Сопровождающий: повесть / О. Ждан — Всемирная литература. 206. — № 2. — С. 63—101.
6. Ждан, О. Гений: повесть / О. Ждан — Нёман, 2011. — № 9. С. 115—137.
7. Хількевіч, У. Трышкін кафтан генія?: Гутарка У. Хількевіча з А. Жданам / У. Хількевіч — Звезда. 2012. — 17 сакавіка. — с.6.
8. Ждан, О. А. Князь Мстиславский: роман / О. А. Ждан. — Минск: Літаратура і Мастацтва, 2010. — 256 с. (Свет минувшего)
9. Мартинович, Д. «Свет минувшего» о мстиславской истории» / Д. Мартинович — Кніжны свет. 2010. — 17 верасня. — Выпуск 14.
10. Сапожков, Ю. Меж духом и словом: критические статьи, диалоги, эссе / Ю. Сапожков. — Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. — 272 с.
11. Ждан, О. А. Государыня и епископ: роман / О. А. Ждан // Нёман. — 2012. — № 9. — С. 3—45.
12. Ждан, О. А. Государыня и епископ: роман / О. А. Ждан // Нёман. — 2012. — № 10. — С. 3—44.
13. Ждан, О. Белорусцы: повесть в трех сюжетах / О. Ждан // Нёман. — 2013. — № 6. — С. 3—63.
14. Конан, У. Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі: у 3-х тамах. Т. 1. / У. Конан. — Мн.: Беларуская навука. — 2010. — 440 с. — с. 176—214.

